

18+ Виктор Победитель

Год Белого Тигра

Виктор Победитель

Год Белого Тигра. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51384951

ISBN 9785449811394

Аннотация

Я даже предположить не мог, что судьба в этот год готовит мне удар. Наивно верил, что он принесет мне удачу. Или, на крайний случай, вселит в меня твердую надежду на успех, в чем я, кстати, очень нуждался последнее время. Ведь это был мой год – год Тигра.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Год Белого Тигра

Повесть

Виктор Победитель

© Виктор Победитель, 2020

ISBN 978-5-4498-1139-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Подошла моя очередь, и я, накурившись до тошноты, открыл маленький, но светлый кабинет с номером «9», в котором сидела инспектор службы занятости Иванова Любовь Петровна. По возрасту, она годилась мне в дочери, выглядела, как выглядят все молодые девушки, свежо и приятно. У нее были темные волосы и черные большие глаза.

Как полагается в подобных случаях, пожелали друг другу здравствовать, и Любовь Петровна, бегло посмотрев мои документы, уткнулась в экран компьютера.

Она что-то искала, щелкая кнопками мыши, а я глядел в окно. Мне удалось пересчитать за это время несколько раз количество штакетин на части ограждения, которая была доступна моему взору, пока инспектор не повернула ко мне с напущенной строгостью лицо:

– На общественные работы согласны пойти? – спросила она, буквально впившись в меня своими черными глазищами.

Слова «общественные работы» неприятно резанули слух. Хотя плохих работ не бывает (меня этому учили в школе), подобная деятельность ассоциировались в моем подсознании с чем-то грязным и непристойным. Я внутренне уже принял для себя решение отказаться. Но пока не спешил с ответом, делая вид, что думаю над ее предложением. Та-

кая неспешность с моей стороны объяснялась очень просто – за два отказа от подходящей работы лишали пособия по безработице.

– Ну, так как, Сергей Владимирович, пойдете на общественные работы? – поторопила меня с ответом инспектор.

– Туалеты чистить что ли? – выдавил я глухим голосом и тут же решительно, не дожидаясь ответа, твердо добавил: – Туалеты чистить не хочу...

– Зачем же сразу туалеты... Вот, например, на месяц требуется руководитель группы несовершеннолетних в муниципальное учреждение «Досуговый центр». Будете ходить с ребятами по адресам, и чистить престарелым людям дворы, сточные канавы от снега. Вернее, чистить будут они, а вы руководить ими. Мне кажется, интересная работа.

«Мы и интересней видали...» – хотел сказать я, ероша пальцами затылок, но промолчал. В общем, взвесив в голове все «за» и «против», согласился. В моей ли ситуации было особо противиться. К тому же, если честно, предложение меня заинтересовало.

Любовь Петровна тут же выдала мне направление на трудоустройство, с которым я отправился к будущему своему работодателю на собеседование.

МУ «Досуговый центр» находилось недалеко от центра занятости, и вскоре я уже стоял на пестром ковре в просторном кабинете директора, вернее, директрисы, женщины стройной и высокой.

– Пьете? – оглядывая меня с ног до головы, спросила милостивая начальница.

– Нет, – ответил я коротко и добавил: – Вообще не пью.

Она повела бровями, на лице ее отразилось сомнение, но ей ничего не оставалось делать, как принять мой ответ на веру.

– Это хорошо... А дети есть?

– Да. Четверо, – ответил я и, немного волнуясь, добавил, что они уже взрослые. Взяло опасение: вдруг факт, что они уже выросли, сможет отрицательно повлиять на результат собеседования.

Директриса задумалась на некоторое время, видимо, еще хотела что-то спросить, но забыла или передумала это сделать.

– Хорошо. Идите оформляться на работу.

В отделе кадров кроме начальницы, сидевшей за большим письменным столом возле стены, находились еще две женщины. Одна сидела за тем же столом что и начальница, другая – за столом посередине кабинета. Они выглядели явно моложе меня и, как я успел заметить, были хорошенькими на лица. «Ну, просто какой-то цветник, – подумал я. – Повезло же мне родимому...»

– Сергей Владимирович, – между тем обратилась ко мне начальник отдела кадров, – садитесь рядом с Татьяной Николаевной.

Она показала рукой на молодую женщину за столом посе-

редине кабинета, которая что-то писала.

– Вот вам бумага. Пишите такое же заявление, как Татьяна Николаевна. Кстати, она – ваша коллега.

«Коллега» повернула ко мне лицо и с улыбкой кивнула. Одета она была в коричневую куртку и брюки темного цвета.

«Приятная женщина, – первое, что промелькнуло в голове. Нет, не зря говорят, что россиянки – самые красивые в мире».

– Можно? – спросил я, взявшись за спинку свободного стула.

– Да, да, – она чуть приподнялась и придвинула мне свободный стул, что выглядело очень любезно с ее стороны.

У нее было нежное белое лицо, тонкие губы и красивые глаза – бирюзовые с жемчужными блестками. (Если вы скажете, что таких глаз не бывает, я с вами поспорю, потому что именно такими я их увидел тогда).

– Вы тоже от центра занятости? – спросила она и снова мило улыбнулась.

– Да, – ответил я.

– Значит, как закончим с этим, – сказала она, имея в виду заполнение необходимых документов, вместе пойдем «на биржу» подписывать договор о материальной поддержке.

– Угу, – сдержанно кивнул я.

У меня не было особого желания далее поддерживать беседу. Голову мою забили другие мысли. И поэтому предпо-

чел не расплыться на любезности, пусть даже и с коллегой. Она – сама по себе, и я – сам по себе.

Но, начав писать заявление, я почему-то захотел еще раз взглянуть на ее лицо. Она сидела вполоборота ко мне, и быстро водила ручкой по бумаге.

Наблюдая за ней всего несколько секунд, вдруг почувствовал какой-то трепет в теле. Представил, что у нее должно быть такое же, как лицо, белое нежное тело... грудь, живот... по мне пробежала дрожь.

Из многих красивых, стройных, женщин, с которыми мне приходилось иметь какие либо отношения никто не вызывал у меня подобного трепета и желания...

Придирчиво окинул взглядом остальных представительниц прекрасного пола, находящихся в кабинете, я про себя резюмировал: «да, хорошенькие они, слов нет. А вот, не хочу я их... Нет во мне к ним этого... ну, просто какого-то шального вожеления...»

«Чем же она меня зацепила? – пытался я найти ответ на этот вопрос и в голове моей возникали самые разные мысли. – А может, она использует какие-то специфические духи, сейчас всякой парфюмерии хоть пруд пруди? А может, этот запах исходит от нее, запах, который возбуждает и тревожит, заставляет сильнее биться сердце у определенного мужчины, готового именно с этой женщиной продолжать род свой?»

Ответа я не нашел. Понял только, что этой женщине удалось разбудить во мне какое-то ранее дремавшее чувство.

Поставил ей мысленно большой плюс, даже если она ничего не делала для этого.

Заполнив все бумаги, необходимые при устройстве на работу, мы с Татьяной Николаевной, вышли из здания и отправились в центр занятости.

Наш путь пролегал через городскую площадь. Денек стоял солнечный, местами подтаял снег, и мы, чтобы не намочить обувь, обходили опасные участки.

– Скоро начнется настоящая весна, – сказал я. – Весну люблю больше всего. Осталась позади долгая, почти бесконечная зима, а впереди ждет лето.

– Мне тоже нравится весна...

Она внезапно поскользнулась, но я успел поддержать ее за руку. От этого мимолетного контакта во мне снова заиграли мурашки. Мне сделалось невероятно приятно, я почувствовал себя юношей, который млеет даже от легкого прикосновения к женщине.

– Спасибо, – поблагодарила она и одарила очаровательной улыбкой.

По дороге говорили о разных вещах и, конечно же, о том, что в нашем городе все труднее и труднее становится найти работу.

– Вообще-то мне предлагали много вариантов, – говорила Татьяна Николаевна, – но меня везде не устраивал режим... У меня ребенок в детский сад ходит... А еще я хотела пойти учиться на компьютерные курсы... Но не получилось...

– Да, сейчас, чтобы устроиться на приличную работу, – согласился я, – нужно помимо специальности знать компьютер. Я вот купил недавно ноутбук...

– У меня тоже есть компьютер, – не дала мне закончить женщина, – дочь за ним сидит, когда приходит со школы... А сама я в нем не разбираюсь...

«Дочь сидит... А муж? Почему она ничего не говорит о муже?» – эти вопросы, вопреки моей воле, тут же возникли в голове. Но я счел бестактным напрямую задать их ей.

– А что же дочь вам не поможет? – только спросил я. – Попросите, она вас быстро всем премудростям научит. Молодежь сейчас в технике волочет, дай боже.

– Да она еще сама ничего не понимает, – вздохнула моя попутчица, – в основном, в игры разные играет... А...

Я ждал, что сейчас она непременно скажет что-нибудь о муже, например: а... мужу как всегда некогда, или что-то в этом роде, но она лишь добавила: ... – кого еще просить.

Я понял, что настал для меня самый подходящий момент развеять все сомнения насчет ее семейного положения.

– А муж ваш тоже не разбирается в них? – задал я вопрос.

Не глядя на меня, она ответила спокойно, но уклончиво:

– Да он сейчас далеко отсюда.

«Значит, замужем...» – подытожил я, несколько разочарованный ее туманным ответом.

Мне хотелось предложить ей свою помощь, мол, давайте, научу всему, в чем сам разбираюсь... Не знаю, что она отве-

тила бы мне, но не решился и промолчал.

– Это пустяки разобраться в ПК, было бы желание... – лишь сказал я. – Сам начинал с нуля. Даже не знал на первых порах, как отформатировать текст. А сейчас уже научился создавать брошюры, редактировать фильмы, записывать диски и прочую дребедень.

– Да? – она посмотрела на меня так, как смотрят на человека нужной профессии, который еще может пригодиться, и во взгляде ее можно было прочесть недвусмысленное: «Хорошо, будем иметь в виду».

Я, конечно же, не мог предположить, что через некоторое время мне в буквальном смысле придется поплатиться за свое самоуверенное заявление о знании компьютера.

Говорили еще о чем-то, о чем именно я сейчас не помню. Только хорошо помню: идти рядом с ней мне было очень приятно, всю дорогу я чувствовал себя, чуть ли не на седьмом небе. А вот сам себе не очень нравился. Казался неотесанным, словно неопытный юнец. Не нравились мне моя походка, осанка... одежда. Хотелось скинуть с себя дешевую куртку, придать телу спортивный вид. Давно не испытывал к себе такого критического отношения...

В центре занятости, подписав договоры, мы еще сходили в отдел кадров и расстались до завтрашнего дня.

После всего произошедшего со мной, наверное, можно было подумать, что в мое сердце вонзилась стрела Купидона, и я, пораженный его метким выстрелом, тотчас, как только

переступил порог своего дома, стал нетерпеливо ждать следующей встречи. Совсем даже нет. Я тут же забыл обо всех своих удивительных впечатлениях, что получил в этот день, и ни разу за вечер не вспомнил о новой знакомке.

В родных стенах меня ждал неприятный сюрприз: свернувшись калачиком на диване, похрапывала пьяная жена Оксана. Уезжая в город, я даже не предполагал, что сегодня она напьется. Хотя и случилось так: утром она была трезвой, обещала, что больше не возьмет в рот ни капли спиртного, а вечером, к моему возвращению, еле стояла на ногах. В такие минуты я просто ее ненавижу. И непременно устраивал скандал, начиная с вопроса, сколько еще она будет пить мою кровь, хотя понимал, что с пьяным человеком вести воспитательные беседы себе дороже.

Оксана демонстративно выставляла вперед лицо.

– Давай! Бей! – уже вызывающе кричала она. – С бабой только воевать и можешь!

– Допросишься, вружу! – сжав кулаки и с ненавистью глядя в ее хмельные глаза, говорил я.

Она знала, что не ударю, и становилась еще более наглой. Из обороны переходила в наступление.

– Ну что, боишься? Ты же в спецбатальоне служил, давай, скрути бабу!

– Слушай, иди спать. Я терпеливый, но если терпение кончится, то получишь в глаз. И от тебя, знаешь, что останется? Видела, что остается от назойливой мухи на стене? Мокрое

место!

– Ну, попробуй! – она начинала толкать меня грудью, словно драчливый петух. – Мент поганый!

– Да пошла ты!

Дальнейшие события развивались в зависимости от ситуации, но заканчивались примерно одним и тем же. Когда наша ссора достигала апогея, она хваталась за ножи. Их было много, разных размеров, стоящих в специальном наборе на столе кухонного гарнитура.

– Зарежу! – кричала она стеклянными глазами, размахивая ножом перед моим лицом.

– Положи на место! – говорил я, пытаюсь осторожно его отнять. Тогда она начинала размахивать им сильнее.

– О, господи, что за дурдом... – боясь причинить вред – ведь она могла упасть на нож, или воткнуть в себя, да мало ли чего – я отступал, держась за голову. – Что за дурацкая привычка хвататься за ножи. Это же не игрушка!

Оксана спала, и я осторожно, чтобы не разбудить ее, переделался и вышел во двор, чтобы дать коровам сено и накормить собаку.

Мой верный пес Шерхан, радостно поскуливая, стал прыгать мне на грудь и пытался лизнуть в лицо.

– Что, проголодался, дружище? – спросил я. – Сейчас я тебя накормлю... Хозяйке сегодня не до тебя...

Вытряхнув из кастрюли вчерашний борщ в его миску, я направился в сарай, где накормил коров и овец.

Спустя минут двадцать, вернулся в дом.

– Ты откуда взялся? – Оксана уже проснулась и, не вставая с дивана, удивленно уставила на меня полупьяные глаза.

– От верблюда, – ответил я грубо.

– А!..

Она стала стягивать колготки вместе с трусиками, – она иногда выкидывает такие фортели, когда напьется.

– Хочу тебя, – промяукала она, расплываясь в улыбке. – Видишь, я вся твоя...

– А я не хочу! – резко отрезал я, наблюдая, тем не менее, за ее бесцеремонными действиями.

– Прямо-таки и не хочешь? – в ее чуть скрипучем голосе звучала наигранная обида.

– А то нет... Лежишь, как свинья, пьяная... Скажи, ну с чего ты напилась?

– Просто так... Я и не думала сегодня пить... Прости, больше не буду... Ну, иди ко мне, мой поросенок!

Я смотрел на нее с жалостью, пытаюсь заглушить злость, бушевавшую во мне. Опухшее лицо, мешки под уставшими с красными прожилками глазами. Что делают с женщинами алкоголь и табак! А ведь в молодости, без преувеличения, была красавицей... Сколько мужчин добивалось ее расположения! И еще я подумал с тоской, что теперь до самой ночи не будет мне покоя. Все ее, грубо говоря, повадки за многие годы, что мы прожили вместе, были хорошо изучены. Немного погодя она снова подается на поиски

спиртного. Вот уже почти двенадцать лет я пытаюсь вытащить ее из страшной ямы. Но тщетно... Пьет она не каждый день. Но трезвые будни не приносят мира и спокойствия ей и окружающим ее людям. Без водки Оксана буквально сходит с ума, неделями не разговаривает, злится на весь белый свет. Дурой становится, когда пьет...

Тоска и замкнутый круг...

– Ну, так что? – нагло повторила она, скинув с себя всю одежду. – Мне долго ждать?

Тело у нее, в отличие от лица, по-прежнему, молодое и красивое – где уж тут устоять! Но мне надо было проявить твердость. И я бросил в ее сторону резко, с отвращением:

– Не хочу!

– Не хочешь!?! – мои слова и тон их, не на шутку разозлили ее, задели женское самолюбие. – Ах ты, скотина! Урод! Конечно, я тебя уже не устраиваю! Хочешь молодого тела отведать? Так иди к «чиксе»! Помню, как ты на ее задницу любовался... Она сейчас в городе живет, запиши адрес: Улица Журавлева, шесть, квартира шесть. Хорошо запоминается.

«Чиксой» она называла двадцатилетнюю незамужнюю дочь соседки, медсестру, которая все прошлое лето жила с сыном у матери, а сейчас перебралась в город на съемную квартиру. Откуда Оксана взяла, что я «любовался» на ее зад? Такого не могло быть! И не мне ли об этом лучше знать, чем кому бы то ни было. В самом деле, у меня не имелось к ней никакой симпатии. И мне пришлось воспротивиться

наглой лжи:

Оксана потянуло рукой сбившееся к ногам покрывало, и скрылась под ним с головой.

– Да откуда ты взяла, что я любовался на чей-то, извиняюсь, зад?

– Видела лично сама, – откинув покрывало, Оксана показала помятое лицо. – Я тогда вышла из дома, а ты в курятнике сидел как раз напротив того места в огороде, где «чиксушка» загорала в одних плавках...

Мне было ясно, что Оксана хочет меня достать, поиздеваться. И в этой ситуации мне следовало просто промолчать. Но я не мог.

– Не было такого! – вскипел я.

– Было!

– Слушай, не выдумывай что попало. Мне даже обидно... Я никогда тебе не изменял.

– Нет, было. Любовался ты на «чиксин» зад. Бабник ты еще тот!

Еще некоторое время мы занимались с ней пустой перебранкой.

– Хватит болтать! – наконец, сказал я. Оксана заметно отрезвела, и я решил немного разрядить обстановку – Давай, лучше, подвинься. Я устал, прилягу...

– Вот тебе! – показала она кукиш. – Шлепай по адресу, который я тебе назвала. К «чиксе» – ать, два – левой!

– Ну, хватит, наверное... Будешь себя так вести, и впрямь

уйду!

– Да кому ты нужен, кроме меня? Ладно, иди сюда...

– Я не нужен? Ха-ха! Посмотрим еще, – произнес я, раздеваясь.

Оксана хоть и отрезвела, но чувствовала себя неважно. Я лег рядом, положив руки под голову, и стал смотреть в потолок.

Мы лежали с ней молча, каждый думал о своем.

Затем, перевалившись через меня, Оксана встала.

– Ну что, устроился на работу? – спросила жена, натягивая колготки. – Или ты по другим делам ходил?

Вопросы, чувствовалось, задавала не из праздного любопытства, и я ответил:

– В центре занятости был. На общественные работы взяли на месяц. Завтра пойду устраиваться... Зарплата небольшая, но и работать придется неполный рабочий день... Смогу по хозяйству тебе помогать...

Я думал, что мое сообщение хоть обрадует жену. Но она произнесла пренебрежительно:

– Общественные работы? Это как раз для тебя! Пойдешь бумажки по городу собирать... Или туалеты чистить.

– А что тебя не устраивает? – вскипел я от ее слов. – Тебя и туалеты чистить не возьмут.

Она никак не отреагировала на мои резкие фразы, по крайней мере, сделала вид, что пропустила их мимо ушей.

– Ты опускаешься все ниже и ниже, – произнесла она с яз-

вительной ухмылкой и, напомнив недавнее мое поражение на выборах на должность главы сельсовета, добавила едко: – Глава ты наш... Бегал, бегал и что толку? Никому ты не нужен.

– Да тебе-то что?

– Как что? Я уже видела себя женой большого начальника... Мне бы работу нашел... А ты так позорно проиграл выборы!

– Это ты во всем виновата! – вскипел я. – Ты мне одна нервы трепала. Ты одна... Я ни одного дня не жил спокойно. Вместо помощи, одни подножки. Но для меня еще не наступил вечер...

Меня достали пустые разговоры, я собрался и вышел на улицу.

«Еще не вечер», – сказал я уже себе самому. – «Еще не вечер»!

Побродил некоторое время по пустому поселку, и, выкурив изрядное количество сигарет, повернул к дому.

Жены не было. Поел и лег на диван. Не лежалось. Достал ноутбук и сел за неоконченную повесть о депутатском расследовании.

Напечатав несколько страниц, понял, что продолжать больше нет ни сил, ни желания. Снова лег и моментально уснул.

И приснилось мне, что оказался я на соседней улице, в доме, где живет давняя почитательница Женя Стрельникова.

Мы сидели с ней на диване, беседуя в каком-то таинственном полумраке.

«Мне нравятся те, кто пишет, – говорит она мне. – Это какие-то особенные люди... Вокруг одни дебилы и алкаши... Родным языком владеть не умеют».

«Ерунда все это, – отвечаю я. – Все мы одним миром мазаны. Учим других, как жить надо, а сами грешим...»

«Но ты же не гречишь. Ты – Алеша Карамазов. Почти святой человек... даже жене не изменяешь...»

«Нашла, тоже мне, «почти святого»! Я, скорее – Дмитрий Карамазов.

«Дмитрий бы остался»... – она приближает ко мне лицо и, глядя в глаза, томно шепчет: – «Ты не хочешь остаться?... Твоя жена все равно в загуле, и ей не до тебя...»

Я отвожу взгляд.

«Но почему ты не хочешь меня? Я не вызываю желаний как женщина?»

«Юмористка»! – говорю я. Ее последние слова, особенно то, как они эмоционально произносятся, вызывают у меня улыбку. – «Как женщина? Да нет... Просто не хочу изменять жене».

«Ну вот, я же говорила... Это все мелочи! Подумаешь, переспать с другой женщиной!»

Я отстраняюсь.

«Не смейся, идиот, над чистыми чувствами, – лицо ее становится страшным от злости. – Пошел вон!»

«Вовсе даже не смеюсь, – отвечаю я, поднимаясь с дивана. – Над чувствами другого человека – будь то мужчина или женщина – нельзя смеяться».

«Так, полюби меня...».

«Не могу... Должна же быть чистота! Вас, женщин, нужно любить! Вы созданы для любви – любви чистой. Все в мире делается для женщин, говорят философы. Мы, мужчины, пишем стихи, ваяем скульптуры, строим дома, создаем фильмы – все для вас. Мы дышим вами, словно воздухом. Зачем же чистый воздух превращать в пыль?»

«Да пошел ты, философ!»! За «чистой» любовью, бывает, столько грязи волочится...»

Я проснулся.

Вернулась Оксана. Трезвая. Видно, нигде ее не угостили спиртным. Выглядела она мрачно. Выкурив сигарету, пошла, не говоря ни слова, спать.

Глава вторая

На следующий день мы встретились с Татьяной Николаевной в Центре перед началом рабочего дня.

Приехав намного раньше, я уже почти полчаса сидел на скамье в большом и полутемном из-за выключенного электричества фойе и тупо разглядывал стоящие передо мной массивные серые колонны. Мне порядком надоело подобное занятие, и я собрался выйти покурить, но тут открылась дверь и вошла Она. И словно масса огней вспыхнули разом в этом сером и мрачном зале!

Увидев меня, улыбнулась:

– Здравствуйте, Сергей Владимирович! Вы уже здесь...

– Здравствуйте!.. У меня так автобус ходит, что, хочешь – не хочешь, приходится приезжать раньше, – ответил я.

Она подошла к большому зеркалу, висевшему на стене возле гардероба, и начала приводить себя в порядок. Мне хорошо виделось ее зеркальное отражение. Движения рук женщины, поправляющей прическу, были легки и грациозны. Темная копна волос то вздымалась, то опускалась под волшебным воздействием ее пальчиков. Затем она достала из сумочки губную помаду и чуть провела ею по своим губам, облизнула их, после чего положила помаду в сумочку. Не отрывая взгляда, я вдруг почувствовал, что моя новая знакомая опять заставляет меня волноваться. «Просто ка-

кое-то наваждение! – мелькнуло в голове. – Ведь дома ни разу не вспомнил о ней, а тут, повстречав, снова попал под ее обаяние».

Да, это было нечто невероятное! Если бы верил во всевозможные привороты, то обязательно посчитал бы подобный случай проделками опытной и знающей свое дело ворожеи. Только для чего ей привораживать меня? Я не смог ответить на этот вопрос. Понял тогда лишь одно: ее «магия» действует на меня на близком расстоянии, а на далеком – она бессильна, то есть, когда не вижу ее – я спокоен.

Ко мне в душу закрадывались зависть и легкая грусть. Я почувствовал, что завидую ее молодости, возможности с наслаждением смотреть свое зеркальное отражение и видеть там свежее, прекрасное лицо, голубые с блестками глаза. И с внутренним содроганием представил себя, стоящего рядом с ней у зеркала. Кого бы я там увидел? Уставшего, с красными от бессонницы глазами типа?

Безысходная тоска вдруг наполнила мое сердце. Как ни крути, жизнь моя, идет на закат, и никакие силы не способны повернуть время вспять.

Отойдя от зеркала, Татьяна Николаевна села рядом со мной. Я почувствовал легкий запах ее духов.

Пока наши ребята оформлялись на работу (некоторые не успели это сделать вчера) мы неспешно вели беседу. Как случается нередко в подобных ситуациях, с одной темы незаметно переходили на другую. Вначале говорили о погоде,

затем она стала рассказывать мне, что никак не может избавиться от человека, который совместно проживает с ней в квартире.

– Приходится бегать по судам, – сетовала Татьяна Николаевна. – Может быть, суд заставит его платить свою часть за квартиру... Понесу вот завтра исковое заявление...

Я смотрел на нее, наслаждаясь безупречными чертами лица, и думал о ней, и не совсем понимал, что она мне говорила. Но я изо всех сил старался изображать внимательного слушателя и сочувственно кивать головой, улавливая интонации голоса. Я даже мог вставить вопрос или сказать слово, чтобы она, не дай бог, не заподозрила, что я не очень-то слушаю ее. Похоже, мне это удавалось.

– Затем нужно будет подать на развод... – продолжала она.

– На развод? – спросил я вначале машинально. Но вдруг обнаружил, что вопрос, в самом деле, меня заинтересовал, переспросил сочувственно: – Так вы разводитесь? Он пьет?

– Да... нет... – протянула Татьяна Николаевна, словно сомневалась в искренности своих же слов. – Не пьет... Выпивает, конечно, но не сильно...

– Тогда из-за чего? – спросил я удивленно. Мне в тот момент почему-то в голову не пришло, что существует еще масса причин для развода.

Она стала рассказывать о нехорошей свекрови, которая настраивала сына против нее, а он во всем слушался мать,

отчего и случались ссоры...

– Дошло до того, что моему терпению пришел конец, – закончила Татьяна Николаевна. – Я поставила ультиматум: или я или мама. Он выбрал мать...

– Да... Если бы у меня не имелось за плечами печального опыта, возможно, все услышанное показалось бы мне неправдоподобным, – сказал я и спросил: – А муж ваш, где сейчас находится?

– Он – далеко. В Североморске... служит по контракту.

Она смотрела на меня, ожидая дальнейшего моего участия. И мне захотелось сказать что-нибудь обнадеживающее.

– Ничего, Татьяна Николаевна, развод дело поправимое... Сегодня разведетесь, а завтра снова поженитесь...

Я не спускал с нее глаз и следил за реакцией на мои слова. Она некоторое время молчала. Видимо, взвешивала все «за» и «против» такого варианта развития событий. Затем категорично и коротко ответила:

– Нет.

Я ждал этого ответа. Ее категоричное «нет» в отношении бывшего мужа меня обрадовало. Но надо было держать марку порядочного человека, и я сказал обобщенно:

– Жаль, что так происходит... А вообще, Татьяна Николаевна, никогда не нужно говорить «никогда»... Избитая фраза, но очень верная. Может, еще помириться...

Незаметно пролетело время, шумной ватагой спустились со второго этажа наши ребята, сказав, что нас с Татьяной Ни-

колаевной приглашают в отдел кадров. Там мы распределили между собой улицы и номера домов, где нам предстояло очищать дворы и сточные канавы от снега, и отправились каждый в свою сторону.

Работа, в самом деле, оказалась довольно интересной. Общение с бабушками и дедушками, которые принимали меня за школьного учителя, доставляло удовольствие. Они непременно звали меня в дом попить чаю, поговорить. Но как я мог оставить ребят работать, а сам пойти в теплое помещение? Напротив, брал у кого-нибудь из них лопату и отчаянно кидал снег, чтобы согреться от назойливого пронизывающего весеннего ветра.

Трудились мы всего два с половиной часа. Время пролетело незаметно. Мне, с любезного согласия Татьяны Николаевны, досталась младшая группа ребят, что позволило на час раньше, чем она, закончить работу. И я успел на автобус до того, как он ушел на двухчасовой перерыв.

В салоне, «отгаивая» после нахождения на холодном воздухе, я поймал себя на мысли, что все чаще в моей голове всплывает образ Татьяны Николаевны. Глядя в боковое стекло, гадал, о том, зачем она мне все это рассказывала: о разводе с мужем, жильце в квартире?.. Может, она испытывает ко мне определенный интерес?

Мой дом находится на краю улицы, почти рядом с остановкой. Нехотя выйдя из теплого автобуса, поеживаясь от ветра, я быстрым шагом направился к родному порогу.

Настроение мое было приподнятое: я предвкушал блаженный отдых и горячий ужин. И вдруг, уже подходя к калитке, с ужасом подумал, что дома меня может поджидать не горячий суп, а пьяная супруга. Как же я мог выкинуть из головы такое развитие событий? Калитка была открыта настежь. Пьяная Оксана сейчас, или нет?

Оксаны дома не застал. Оглядев комнаты, следов попойки не заметил и успокоился, подумав, что жена просто отправилась поболтать к одной из своих подруг. Поел вчерашний суп и сел за ноутбук, собираясь поработать над очередными главами неоконченной повести и мемуаров. Как мне было хорошо одному!

Написав первые строки, понял, что мне понадобятся некоторые документы. Достал из шкафа коробку, в которой лежали бывшие журналистские, депутатские и прочие удостоверения, Благодарственное письмо Полпреда Президента... «Да, было в моей жизни время... – просматривая их, с грустью предавался я воспоминаниям. – Времечко интересное... «... Были когда-то и вы рысаками пара гнедых...» – незаметно для себя запел старинный романс о постаревших лошадях.

Отбирая и откладывая нужные вещи в сторону, я достал со дна коробки подарок полпреда.

– А вот и нож... – взяв в руки холодное оружие, покрутил, провел пальцем по краю лезвия ножа. – Острый, голубчик, как бритва. Давненько я не держал тебя в руках...

Вспомнилось мне, как и за что мне его вручили. Я тогда работал егерем. Браконьеры, ранили напарника и, запрыгнув на свой мотоцикл «Урал», стремились бесследно исчезнуть. Я успел ухватиться двумя руками за боковой прицеп мотоцикла, дотянуться до свечи зажигания и выдернуть «подсвечник». Уйти им не удалось. Об этом узнал сам полпред и в торжественной обстановке вручили мне в знак благодарности нож...

Налюбовавшись ножом, хотел положить его обратно в коробку, но тут услышал за спиной бранную речь, возвратившейся супруги:

– Ах, эпэрэсэтэ! Ты уже дома! Все ковыряешься в своих бумагах...

Поднявшись с колен, я сделал первое, что пришло мне на ум, – спрятал нож за спину. Оксана, покачиваясь, смотрела на меня стеклянными глазами. В руках она держала неполную «полторашку» браги. Улучив момент, я незаметно бросил нож на кресло-кровать.

– Раз пришел, готовься к разврату! – поставив брагу на стол, Оксана с остервенением, но как-то неуклюже начала стягивать с себя колготки прямо у стола. – Буду тебя е...

– Слушай, отстань! – взмолился я. – Не надо наглеть. Пришла пьяная – ложись спать. Мне сегодня не хочется скандалить, поэтому, прошу, не нарывайся на грубость.

Некоторое время, Оксана, покачиваясь со спущенными колготками, молча и тупо смотрела на меня, как бы раз-

мышляя, что делать дальше. Мой спокойный тон привел ее в некоторое замешательство. Наконец, она произнесла:

– А можно я еще выпью? – спросив, она взяла полторашку со стола и стала наливать в стакан мутную жидкость.

– Ну, уж дудки! – я выхватил бутылку из ее рук.

– Отдай! Это не мое!

– А мне плевать, твоя это бражка, или не твоя! – меня злило ее упорство дальше продолжать выпивку. – Спать не ляжешь – вылью!

– Попробуй только! Скажу ребятам, они тебе голову оторвут!

Ее угрозы окончательно вывели меня из себя.

– Посмотрим! – я и тут же вылил все содержимое «полторашки» в умывальник, после чего легонько стукнул жену пустой полиэтиленовой бутылкой по голове и сказал: – Это тебе на опохмелку!

– Ах ты, козел! – она, с обезумевшими от злости глазами, начала искать ножи. – Сейчас ты у меня получишь!

Она сделала шаг в сторону стола кухонного гарнитура, на котором лежали ножи, но запуталась в спущенных колготках и упала на пол.

– У... – рычала она от злобы и бессилия.

Я тут же, воспользовавшись моментом, спрятал ножи подалше в стол.

Поднявшись, Оксана не успокоилась и продолжила поиск, но ничего не смогла найти.

– Уже убрал, козел! – она устало отошла от стола, упала в кресло. И тут увидела охотничий нож.

Я моментально подскочил и попытался опередить ее. Однако она оказалась проворнее: я успел лишь неосторожно взяться за лезвие. Почувствовал жгучую боль, кровь побежала струйкой по ладошке.

– Скотина! – сказал я, поднося руку к умывальнику. – Как же ты мне надоела!

Вид крови остановил ее. Оксана бросила нож и вышла из дома. Я взял его и положил на самый верх шкафа для одежды, подальше с глаз.

Работать над рукописями желание пропало. Я ходил по комнате взад-вперед и долго не мог успокоиться. «И за что мне такое наказание? – говорил сам себе. – Кто обязывал меня нести столь тяжкий крест? Зачем мне все это надо?»

Последнее время меня все чаще посещала мысль уйти от жены. Я понимал, что дальше так жить просто нельзя и нужно что-то менять... Мне однажды даже предложили, что называется, выгодный вариант: женщину с машиной и квартирой. Но «сваты» остались при своих интересах. Несмотря на бессонные ночи и нервы, потраченные за время совместной жизни с Оксаной, я почему-то не мог бросить ее. Мне казалось, что я в ответе за нее. И если решусь на такой шаг, разве какой-нибудь дурак станет нянчиться с ней так, как я? Да и найдется ли еще такой дурак? Без меня она по-

гибнет.

Когда утратились чувства друг к другу? А ведь они, чувства, были. Первые вечерние прогулки... Даже ребенка совместного хотели... Но не получилось... Ребенок родился мертвым. Помню, плакал, узнав эту новость в роддоме... Второго ребенка уже не хотел... Она продолжала пить и курить безбожно... Она обманула меня и забеременела... Как я жалел маленькое существо, вынужденное травиться табаком и алкоголем в ее растущем с каждым месяцем животе, одному богу известно. Но ничего не мог сделать. «Зачем ты меня обманула?» – говорил ей, когда у нее наступали дни протрезвления. – Нельзя при таком образе жизни заводить детей. Ребенок может появиться на свет инвалидом. Я не могу спать спокойно». – «Все будет нормально, – заверяла она. – Не переживай». Но чудес не бывает... Ребенок опять не дожил до своего появления на свет. И я опять плакал. Мы продолжали жить, чтобы выжить. Вдвоем, несмотря ни на что, легче было переносить тяготы и всевозможные лишения...

Замкнувшись от внешнего мира, я стал писать рассказы... тысячи исписанных листов...

Оксана жила своей жизнью, я – своей. Жизнь ее складывалась из трех – пятидневных запоев. После чего она «отсыхала»: отравленная алкоголем валялась в постели, чувствовала себя виноватой и особых претензий не предъявляла. Но затем у нее наступал период бешенства: все мою супругу

раздражало, весь мир, и я в том числе, казался виновником ее бед.

– Ты мне не нужен! – кричала она, чтобы зачем-то унижить меня.

– Ты мне – тоже. Неблагодарная.

Еще год назад я бы пропустил слова Оксаны мимо ушей, но сейчас я почему-то подумал, что и впрямь стал не нужен. Дело свое сделал: помог поднять на ноги ее детей, а теперь могу катиться на все четыре стороны.

С Татьяной Николаевной я практически не встречался, потому что мы работали в разных частях города. Лишь когда приступили к уборке городского парка, стали все время находиться вместе. И мне это нравилось.

Ребята подметали дорожки, чистили скверы от прошлогодних листьев и мусора. А мы сидели на скамье и беседовали обо всем, что приходило в голову. Впрочем, разговоры наши не всегда велись на отвлеченные темы. В один из дней она спросила меня, как бы, между прочим:

– А вы не знаете, могут ли моего бывшего мужа лишить квартиры после нашего развода? Ведь он получил ее по месту службы, наверное, из-за того, что сказал, что у него жена и двое детей. Иначе вряд ли кто дал бы ему двухкомнатную квартиру.

Она ждала ответа, а я думал, как бы мне точнее передать словами свое видение ситуации. Для меня была очевидной мотивация ее поступка. Наконец, после довольно долгой па-

узы, сказал:

– Татьяна Николаевна, не тратьте понапрасну нервы. Вас сейчас мучает обида и несправедливость по отношению к вам. И вы поглощены заботой отмщения. Но, поверьте, все это мелочи. Вам нужно думать не о том, как наказать бывшего мужа, а как устроить свою жизнь. Пройдет время, а оно обязательно пройдет, и вам будет абсолютно наплевать, какая у него квартира или жена. Если вы устроите свою жизнь, вы только тогда будете счастливы...

Но вряд ли мои слова дошли до ее сердца. Боль быстро не утихает. Ведь бывший муж и сейчас небезразличен ей, иначе бы она просто вычеркнула его из своей жизни, и все дела.

– Что-то холодно... – сказала она, вставая со скамьи и переминаясь с ноги на ногу. – Давайте, пройдемся немного.

В парке гулял сквозняк, неизвестно откуда бравшийся. А он пробирал до косточек посильнее, чем мороз. Татьяна Николаевна одевалась по сезону и мерзла значительно больше моего.

Я же не снимал зимнюю куртку и зимние сапожки, несмотря на конец апреля. И не обращал внимания на то, что обо мне могут подумать. Мне тепло – и хорошо. Однако даже в этой одежде, а дни стояли просто холодные, мне самому приходилось поеживаться.

Мы немного прошлись. Я взглянул на Татьяну Николаевну и предложил ей свою куртку:

– Возьмите. Согреетесь немного.

Меня колотило, и что-то царапало когтями грудь, но я был полон решимости, отдать ей свою одежду.

– Нет, спасибо, – задержав на мне взгляд, а вид у меня, наверное, в тот момент был явно не разгоряченный, она категорично отказалась. – Вам, я вижу, тоже не жарко. – И тут же обратилась к одному из своих подопечных: – Иванов! Чего стоишь? Будешь так стоять и ничего не делать, уйдешь на час позже.

Ей досталась непослушная группа, и приходилось часто отвлекаться, чтобы призвать ребят к трудовой дисциплине. Подобная угроза возымела действие. Иванов нехотя, но все же взялся за грабли.

– Так могут его лишить квартиры или нет? – вернулась к своему вопросу Татьяна Николаевна.

– Ну, это смотря какая там ситуация с жильем... А вообще, я уже говорил – он и все, что с ним связано, не должно вас волновать...

Женщина промолчала, явно не удовлетворившись моим ответом. И я сказал:

– Вам, Татьяна Николаевна, хочется мести. Большой мести и, желательно, прямо сейчас... Я все прекрасно понимаю. Когда-то мне тоже хотелось мести. Теперь это в прошлом. И я могу трезво смотреть на вещи. А тогда мне казалось, что предстоящий обмен квартиры напугает жену и тем самым остановит развод...

– А из-за чего вы развелись? – спросила коллега и тут же, словно извиняясь, добавила: – Можете не отвечать.

– Причина та же, что и у вас, – ответил я. – Только с одной лишь разницей: у вас причиной развода явилась свекровь, у меня – теща. Моя бывшая жена также жила по маминой указке... Квартиру, конечно, менять не стал. Оставил даже рубашки. Может, надеялся, что вернусь еще. Но, тем не менее, ушел. Ушел, лишь сказав на прощание, что она еще пожалеет о своем решении, но будет поздно... Она тогда, помню, усмехнулась. Но я оказался прав: через десять лет она позвонила мне...

Вспомнилась телеграмма моей первой жены, в которой она после десяти лет молчания приглашала меня на междугородные переговоры. Мы прожили с Оксаной тогда всего три года. Она хоть и пила, но искренне тянулась ко мне, помогала во всех моих делах...

– Все-таки пойдешь на переговоры? – спросила меня тогда Оксана, и в голосе ее звучало беспокойство.

– Пойду! – твердо сказал я. – Надо же узнать, в чем дело. Бывшая жена звала к себе, что-то говорила о сыне, своей матери, я слушал и, когда наступило время дать ответ, сказал не очень твердо:

– Нет, не могу... У меня сейчас сломана нога... что же, я поеду на костылях?

– На костылях? Не волнуйся, – упрашивала она, – тебя встретят на машине, возле поезда...

– «Возле поезда...» – повторил я в задумчивости последние ее слова и, собравшись с духом, категорично ответил: – Нет! Мой поезд уже ушел...

Мы некоторое время с Татьяной Николаевной молчали.

– Эх, если бы подобный разговор случился у нас три года назад, – заговорил я, прервав молчание, – то, наверное, и на костылях бы пешком отправился к моей первой жене... Но сейчас у меня была Оксана... Тогда мы тянулись друг к другу...

– Пойдемте, погреемся в Центр, Сергей Владимирович, – предложила Татьяна Николаевна.

– А, пойдемте, – согласился я.

В это время она заметила, что опять не все из ее ребят работают.

– Сейчас, подождите секундочку, – извинившись, она подошла к двум своим подопечным и строго сказала: – Если не будете работать, я скажу, чтобы вас уволили.

– Вы строгая, – сказал я ей по дорожке в Центр. – А я вот не могу так. Нет у меня командирской жилки. А с ребятами расслабляться нельзя, вмиг сядут на шею. Впрочем, в жизни всегда надо быть начеку. Лучше иногда посмотреть на все сквозь пальцы...

Погревшись немного, вышли на улицу. Пока мы отсутствовали, наши ребята, тоже сильно не утруждали себя работой, рассевшись по лавочкам, беседовали со знакомыми девочками, пришедшими в парк. После нашего прихода, взяв

грабли и лопаты, продолжили убирать парк.

Так незаметно пролетел еще один рабочий день.

Я посмотрел на часы и стал собираться домой. У меня пока еще была младшая группа школьников, поэтому я с ребятами уходил раньше на час, чем Татьяна Николаевна.

– Плохо, что вы уходите раньше.

– Почему?

– Скучно одной.

Она сказала это так просто и легко. И было приятно.

Дома меня опять ждал сюрприз. Нет, Оксана была трезвой. Но сюрприз, тем не менее, оказался тревожным. Оставив в деревне мужа, неожиданно-негаданно, словно снег на голову свалился, приехала старшая дочь Оксаны Валерия.

– Вот, полюбуйся на нее! – гневно выпалила жена, едва я переступил порог. – Нарисовалась – не сотрешь!

Лерка сидела, ссутулившись на диване, подперев лицо руками. Видно, мать уже давно допекала ее нравоучениями.

– В чем дело, Лера? – поинтересовался я. – И вообще, шуму много, а драки нет.

– Я ушла от этого дурака, – сказала она, имея в виду мужа.

– Да... – протянул я. – Хороши дела...

– А мне ты зачем нужна здесь? – снова вскипела Оксана. – И еще привезла с собой двоих детей. Ему это надо? – она показала на меня. – Вас вырастил. Еще и внуков растить? Это не на один день или два – на неопределенное время.

Лерка молчала. Она вообще молчунья еще та. Я бы, ко-

нечно, мог поставить вопрос ребром и показать ей на двери. Но жаль было внучат, пусть и не родных. Прикипел я к ним, особенно к старшей девочке – Насте. Я ведь ее с пеленок, можно сказать, вырастил.

– Лера, – обратился я к дочери. – Ты живи, но только дурью не майся. Ищи работу. Не выкидывай номеров, ведь знаю, ты способна почудить. Помочь готов. Но брать на себя твои проблемы не собираюсь.

На следующий день Лерка вышла на работу в пекарню. Деньги получала небольшие, можно сказать, копейки. Но зато привозила домой всегда свежий хлеб.

Глава третья

В парке уже почти полностью растаяли бугры и комья снега, которые изо дня в день раскидывали наши ребята. Но погода стояла отвратительная. Теплые солнечные дни раз или два всего лишь побаловали нас, остальное время докучали северные ветры. Я практически до середины мая не снимал зимнюю одежду. Татьяна Николаевна все так же одевалась легко. Мне было жаль ее. И так хотелось прижать к себе, согреть. Но как я мог? Единственное, что было в моих силах – чаще уводить ее греться в помещении Центра. Здесь мы говорили на разные темы: о бизнесе, учебе и даже политике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.